

Великая принцесса знала ещё до свадьбы, что Фан Тянь некрасив, — и всё же стала его женой. В конечном счёте это объяснялось просто: в сердце покойного императора она никогда не занимала особого места.

Мать её была мелкой наложницей, жившей в тени Императрицы. Судьба к ней не благоволила: она первой из всего внутреннего дворца понесла дитя, и хорошо ещё, что родилась дочь. Впрочем, роды забрали её жизнь, а покойный Государь, и прежде не питавший к ней особых чувств, вскоре позабыл её лицо.

Оттого и Великая принцесса, хотя и была первенцем покойного Государя, никогда не пользовалась его особым расположением.

Она выросла среди интриг внутреннего дворца и рано поняла, что к чему. Натура у неё была смелая; мириться с тем, что её будут помыкать и топтать, она не желала. Всё тщательно взвесив, она тихо обзавелась покровителем — нынешней Вдовствующей императрицей.

И в решающий момент, когда нынешний Государь боролся за трон, Великая принцесса не дрогнула — помогла ему приобрести нужного союзника. Самые выгодные союзы в этом мире рождаются через брак.

В этой же династии зятья императорских дочерей получали право участвовать в делах двора.

После свадьбы с Фан Тянем Великая принцесса провела с ним время в подлинной нежности — нужно было крепко привязать его к себе.

Когда нынешний Государь утвердился на троне, Великая принцесса оказалась в числе заслуженных помощников. Но стоило ей взглянуть на Фан Тяня — и прислушаться к тем обрывкам разговоров, что долетали до её ушей — как в душе то и дело поднималось нечто похожее на горечь.

Она была принцессой правящей династии. Пусть и не любимицей — но всю жизнь прожила среди красавиц и статных юношей. До замужества она соблюдала все приличия. Но бессонными ночами мечтала: каким будет её муж, как они вдвоём будут играть на цине при луне, слагать стихи, перебрасываться строфами.

Вышло не так. Вышло вот как. Великая принцесса не позволяла себе ничего обнаруживать, однако прекрасно понимала: тысячи людей смеются за её спиной.

Сверх всего, мать Фан Тяня была деревенской бабой из низов — без понятия о правилах, туповатой, мягкотелой, готовой при каждой встрече закатить сцену или надуться. Она ещё и норовила держаться с принцессой свысока. Великая принцесса поначалу терпела, но, обретя настоящий вес при дворе, с каждым таким воспоминанием раздражалась на Фан Тяня всё сильнее.

Сам Фан Тянь читал плохо, зато умел чувствовать обстановку. Заметив холодность жены, он не навязывался там, где не ждали.

Ум у него был острый, а как военачальник он и вовсе не имел себе равных — в годы пограничных войн Государь ценил его чрезвычайно.

Уже одно это не позволяло Великой принцессе разорвать с ним окончательно. И всё же жизнь их вдвоём постепенно сделалась пресной. Детей при этом не было, и мать Фан Тяня при каждой встрече давала понять своё недовольство — словами грубыми и унижительными.

Ребёнок нужен был и самой Великой принцессе — с ребёнком надёжнее. Но встречались они редко, и год за годом ничего не менялось. Потом, совершенно случайно, она услышала от своего лекаря: в детстве Фан Тянь хлебнул горя через край — зимой лазил в ледяные реки за рыбой и подорвал здоровье. За прошедшие годы тело вроде бы поправилось, однако с потомством спешить не стоит.

Известие засело занозой. Великой принцессе казалось, что виноват Фан Тянь — но поделиться этим было не с кем. А человек, как известно, яростнее всего добивается именно того, чего ему не хватает. Мысль о ребёнке превратилась почти что в одержимость: она собирала снадобья, без конца ездила по храмам и монастырям.

Во время одного такого паломничества ей попался на глаза молодой красавец-книжник. Он сбился с пути и наткнулся на неё в момент, когда лицо её было омрачено заботой.

Юноша оказался бойким на язык. С первого взгляда на Великую принцессу он замер, потом спохватился и отпустил что-то двусмысленное — льстивое и дерзкое разом. Дерзость была очевидна. Наказать его она не наказала.

Они начали встречаться. Когда Великая принцесса навела о нём все нужные справки, их сближение стало неизбежным.

Она скрывала это с исключительной тщательностью. Иной раз они оказывались в одном храме в один день — и всё равно не виделись. Каждый жёг благовония сам по себе, занимался своим делом; виделись они наедине один раз из пяти — не часто, без надрывных объяснений в страсти.

В тот период Великая принцесса и впрямь привязалась к болтливому красавцу-книжнику. Они были вместе довольно долго.

А затем, когда она уже начала чувствовать первые признаки усталости от этих отношений, обнаружила, что носит ребёнка. Разумеется, от книжника.

Известие принесло ей одновременно испуг и тайную радость. Услышав, книжник пришёл в

восторг и заговорил о том, что хочет преподнести ей лучший из всех возможных подарков. Именно в этот миг Великая принцесса решила, что он должен умереть. Но прежде, чем она успела что-то предпринять, он сам исчез.

Сердце у неё сжалось. Она тихо разослала людей — и те донесли: книжник отправился на гору искать какой-то тысячелетний женьшень и сорвался в пропасть.

Узнав об этом, она долго не могла выдохнуть. Потом перевела дух.

Фан Тянь принял известие об ожидаемом ребёнке с искренней радостью. Как уже было сказано, Великая принцесса умела всё делать без изъяна — и к тому же за прошедшие годы немного умерила нетерпение к мужу, проводила с ним по несколько ночей в месяц. Фан Тянь не заподозрил ничего.

Роды прошли благополучно. Ребёнок не имел с Фан Тянем ни малейшего сходства — зато был вылитая мать. Последний узел в груди Великой принцессы наконец развязался. Этот ребёнок отныне — сын Фан Тяня. Кровь от крови её, и она любила его так, как только может любить мать.

Поначалу Фан Тянь хотел вырастить из мальчика человека достойного и предъявлял к Фан Цзо самые строгие требования. Но однажды наказал его так, что тот потерял сознание — и Великая принцесса рыдала, не в силах совладать с собой. С того дня Фан Тянь не мог заставить себя поднять на ребёнка руку.

А Фан Цзо был мастером на ласковые слова, и с возрастом Фан Тянь привязывался к нему всё сильнее — порой, кажется, баловал даже больше самой Великой принцессы.

По мере того как Фан Цзо рос, его несходство с Фан Тянем бросалось в глаза всё заметнее, и пошли толки. Сам Фан Тянь принялся успокаивать жену: незачем выдумывать лишнего — мальчик лучше без сходства с ним; вырасти он похожим, они бы до смерти изводились за его будущее.

После гибели книжника Великая принцесса по-новому взглянула на мужа: некрасив — да, но человек честный и незлобивый. Она унялась, уgomонила ту юную беспокойную часть себя и потекла по тихому руслу обычной жизни.

Она всегда полагала, что эту тайну знает только она одна. Но сейчас, слушая слова Хан Сиэня, всё время чувствовала: за ними что-то кроется. И на сердце становилось неприятно.

Слова Хан Сиэня неприятно отзывались не в одной только Великой принцессе. Фан Цзо — с головой, раскалывавшейся от боли, — ощутил их всем существом.

В детстве ему не раз случалось слышать краем уха: не похож на отца. При первом же таком

случае он выбил говорившему зубы — а тот был одним из самых ценных помощников его отца.

Отец рассвирепел. Хорошенько выпорол, в разгар зимы поставил на колени во дворе и велел идти просить прощения. Мать проплакала всю ночь и тихо уладила дело.

Отец, узнав, лишь вздохнул и произнёс что-то о мягких матерях и никудышных сыновьях — но к требованию извиниться больше не возвращался.

Впоследствии при каждом подобном случае Фан Цзо мстил с лихвой. Отец при всей своей наружности всегда был добр к нему.

И вот Хан Сиэнь произнёс это вслух — что он ничуть не похож на Великого генерала Фан ни складом, ни характером. Не получи Фан Цзо от Великой принцессы пощёчину, вернувшую его к действительности, он велел бы немедленно зашить Хан Сиэню рот.

Хан Сиэнь поймал во взгляде Фан Цзо ненависть и чуть приподнял бровь — не то насмешливо, не то равнодушно. Для Фан Цзо это было как красная тряпка.

Государь особо не вдумывался в слова Хан Сиэня. Но, глядя на спесивого Фан Цзо и на Великую принцессу с её рассеянным, уклончивым взглядом, он вдруг почувствовал, как в голове мелькнула мысль.

Мысль мелькнула — и осталась. Государь взглянул на Фан Цзо ещё раз и честно признал про себя: не было в мальчике и тени Фан Тяня. Брови его на миг сдвинулись. Доказательств никаких. Но к Великой принцессе и к Фан Цзо он уже не испытывал прежнего расположения.

Наблюдая, как Фан Цзо буравит Хан Сиэня злым взглядом, Государь почувствовал полнейшее равнодушие ко всему происходящему. Он кашлянул и обратился к Великой принцессе — голос чуть холоднее, чем прежде:

— Императорская сестра, это дело в конечном счёте является недоразумением. Хан-цин свои извинения уже принёс. Мы приговариваем его к трёхмесячному домашнему заключению и дополнительно к пятидесяти тысячам лянов серебра в возмещение ущерба. Устроит ли это императорскую сестру?

Великую принцессу это не устраивало совершенно. Но Государь уже сказал своё слово — возражать было не дано. А Вдовствующая императрица, на которую она так рассчитывала, по непонятной причине молчала. Острота, ещё недавно сквозившая в её облике, куда-то исчезла — она стояла как обыкновенная пожилая женщина, почти незаметная, словно нарочно желавшая не привлекать к себе внимания.

В наступившей тишине Вдовствующая императрица невзначай приподняла веки и обвела взглядом присутствующих. Взгляд её случайно встретился с глазами Хан Сиэня.

Тело её слегка напряглось. Эти глаза — прозрачные и холодные — смотрели так, что перехватывало дыхание: казалось, любая тайна, затаённая в сердце, давно прочитана и понята.

Но зрачки Хан Сиэня не задержались на её лице — скользнули дальше. Он просто обвёл взглядом зал, без всякого умысла, ни на ком и ни на чём особо не задержавшись.

То, что ей почудилось в его глазах, — наверное, просто воображение. Она стала старой, начала видеть тени там, где их нет. Откуда Хан Сиэню знать её тайну? Вдовствующая императрица опустила взгляд.

И всё же.

Этот человек был ей глубоко неприятен. Мир без него был бы спокойнее.

Великая принцесса, стоя на коленях, поняла: надеяться не на что. Кипя ненавистью внутри, она возблагодарила за Высочайшую милость с самым искренним выражением лица — и дала себе слово найти другой способ расквитаться за Фан Цзо.

Тот явно хотел что-то выкрикнуть, но единственный яростный взгляд матери его остановил. В конце концов он склонился рядом с ней и тоже вознёс слова благодарности.

Государь, видя, что в зале наконец установилась тишина, почувствовал, как что-то отпускает в груди. Он взглянул на Вдовствующую императрицу, заметил нехороший цвет её лица и произнёс с некоторой озабоченностью:

— Матушка нехорошо выглядит. Есть ли какое нездоровье? Не послать ли за дворцовым лекарем?

— Со мной всё в порядке, — ответила Вдовствующая императрица бесцветно. — Просто устала. Государь вынес решение — пусть на этом и закончится. Только пусть Наследник Хань по возвращении домой займётся наконец воспитанием себя.

Хан Сиэнь с должным почтением принял наставление.

Государь, видя, что цвет лица матери и в самом деле неважен, произнёс:

— Коли Матушка устала — пусть отдыхает. Ваш сын откланивается.

Сказав это, он обратил взор на Хан Сиэня, и всё тепло разом ушло с лица.

— Ты последуешь за Нами в Императорский кабинет. Разговор о цзяннаньских делах ещё не окончен.

Хан Сиэнь опустил голову и тихо согласился.

За воротами дворца Вдовствующей императрицы Государь занял место в паланкине. Перед отъездом он отдал короткое распоряжение евнуху Юань Бао — тому досталось несколько пинков под рёбра — найти лекаря, несколько дней отлежаться и не думать о службе.

Юань Бао прижал ладонь к ноющей груди и заверил Государя с чувством:

— Покорно благодарю Государя за заботу. Старый раб не пострадал, отдыхать незачем.

Государь оглядел его — в самом деле, жив-здоров — и молча принял отказ. Затем велел трогаться в Императорский кабинет, и всю дорогу ни разу не взглянул в сторону Хан Сиэня.

Государь ехал в паланкине; Хан Сиэнь шёл следом. Тело его ещё не вполне окрепло, и когда они добрались до Императорского кабинета, он тихо переводил дыхание.

Государь сидел в кресле и наблюдал, пока дыхание не выровнялось. Потом потянулся к столу, вытащил увесистую стопку докладов и швырнул её к ногам Хан Сиэня. Прищурился, растянул губы в нечто похожее на улыбку:

— Погляди. Это всё доносы на тебя, которые Мы получали, пока ты был в Цзяннани. Как у тебя только это получается — наживать столько врагов? Весь двор поголовно против тебя. Завидная способность. Объясни Нам — сколько дней ты пробыл в Цзяннани, прежде чем едва не пробил в небе дыру? Что с тобой делать, Мы решительно не знаем. Мы посылали тебя на помощь пострадавшим и расследовать дело. Не посылали тебя пристраститься к обыскам и конфискациям — и уж тем более не приказывали тащить за собой Нашего собственного Генерал-губернатора Лянцзяна.

Голос Государя к концу налился гневом. Хан Сиэнь, как ни странно, вёл себя на удивление смирно — от того вольного, с пустыми доводами, каким он был во дворце Вдовствующей императрицы, не осталось и следа. Он поджал губы:

— Ваш слуга лишь хотел избавить Государя от лишних забот. Методы, быть может, оказались несколько решительными. Но все они были виновны, и у Вашего слуги имеются доказательства по каждому.

— Доказательства? А если бы не нашлись — ты явился бы с головами? Ты говоришь, что хотел избавить Нас от забот? Мы скорее думаем, что всё это время избавляли от забот тебя.

У Государя от раздражения даже в животе потянуло.

Хан Сиэнь не успел ничего ответить: появился внутренний служка и доложил, что Заместитель командующего императорской гвардией Гао Фэн с сопровождением доставил серебро во дворец и испрашивает аудиенции — ждут снаружи и просят указаний, как быть с казной.

Серебро. Которое доставили во дворец.

Государь неотрывно смотрел на лицо Хан Сиэня — краска то прилиwała, то отступала. Кажется, за всю свою жизнь ему ещё не доводилось видеть человека, который отправился бы помогать пострадавшим от стихии и вернулся бы, не потратив ни гроша.

Мало того: из секретных донесений следовало, что и без этих нескольких миллионов лянов восстановительные работы в Цзяннани шли вполне успешно. А всё благодаря конфискациям Хан Сиэня.

Вспомнив об этом, а потом о том, что он только что наговорил, Государь почувствовал лёгкий жар в щеках.

Видеть этого человека в ближайшее время он не хотел. Государь махнул рукой:

— Иди домой и сиди взаперти, думай о своих поступках.

Хан Сиэнь не двинулся с места. Он смотрел на Государя без всякой покорности:

— Государь. По возвращении Вашему слуге надлежит выплатить Молодому господину Фан пятьдесят тысяч лянов серебра. Но Вашему Величеству, должно быть, известно: серебро — это именно то, чего у Вашего слуги сейчас нет. Если я уйду вот так — как мне быть?

<http://bllate.org/book/20088/2002024>